

О.В. ЗАИЧЕНКО

АВГУСТ ФОН КОЦЕБУ: ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УБИЙСТВА

23 марта 1819 г. в 10 часов утра в Мангейм из Дармштадта с почтовой каретой прибыл молодой человек, который, как и многие его сверстники, был одет в старонемецкую одежду: черный костюм с красным жилетом и открытым воротником. В его скромном багаже находились Евангелие от Иоанна, томик стихов Т. Кёрнера “Лира и меч”, а также два кинжала. Приезжий остановился в гостинице “У виноградника” под именем господина Генрихса из курляндского города Митавы и тотчас же отправился на поиски квартиры статского советника Коцебу. Открывшему ему дверь слуге молодой человек объяснил, что прибыл из русской Курляндии и хотел бы передать господину статскому советнику письмо от его матери. Слуга попросил его зайти позже, и молодой человек возвратился в гостиницу, где он с большим аппетитом съел обильный обед за оживленной беседой с остальными постояльцами. Около пяти часов вечера юноша снова появился перед дверью Коцебу и был немедленно впущен. В боковой комнате он прождал несколько минут; наконец, вошел статский советник, приблизился к посетителю и спросил: “Вы прибыли из Митавы?”. После нескольких любезных слов юноша вытащил спрятанный в левом рукаве сюртука кинжал и со словами: “Ты – предатель отечества!” три раза ударил хозяина в грудь, нанеся ему смертельные ранения в легкое, сердце и легочную артерию. Коцебу умер почти мгновенно. Убийца хотел немедленно скрыться, но в этот момент в дверном проеме неожиданно появился четырехлетний Александр – сын хозяина дома. Юноша попытался покончить с собой с помощью второго маленького кинжала, но не смог попасть в сердце. В состоянии аффекта он выбежал из дома, упал на колени перед случайным прохожим и со словами: “Я благодарю Тебя, Господи, за эту победу!” снова ударил себя в грудь кинжалом и потерял сознание. Доставленный в близлежащий госпиталь, молодой человек вскоре пришел в себя. Его крепкая конституция позволила ему выжить после тяжелых ран, хотя с тех пор он страдал от невыносимых болей и был частично парализован. Вскоре убийца предстал перед следователем, держась на допросах спокойно и дружелюбно.

Детально восстановленная картина преступления, зачастую украшенная несущественными, но яркими подробностями, больше года не сходила со страниц немецких и европейских изданий, а впоследствии стала кульминационной сценой для многих художественных произведений¹.

Убийцей оказался 24-летний студент теологии из Йены Карл Людвиг Занд, который начал готовить свое покушение еще весной 1818 г. Его жертвой стал известный немецкий писатель, драматург, статский советник, дослужившийся до высокого чина

Заиченко Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Dumas A. Karl Sand. Historische Skizze. – Sämtliche Schriften. Leipzig, 1847; Schreckenbach P. Eiserne Jugend. Ein Burschenschaftsroman aus Jena. Leipzig, 1921; Handel-Mazzetti E. Das Rosenwunder. Sand-Trilogie. München, 1924–1926; Schoenfeld H. Karl Ludwig Sand. Berlin, 1926; Ring M. Sand und seine Freunde. Roman aus der Zeit der alten Burschenschaft. Berlin, 1973; Röhrig T. Sand oder der Freiheit eine Gasse. Bergisch Gladbach, 1993.

за долгие годы безупречной службы на благо Российской империи, Август фон Коцебу (1761–1819).

Коцебу был самым успешным немецкоязычным публицистом своего времени, издателем литературно-политических журналов, таких, как “Простодушный или серьезность и шутка”, выходивший в 1803–1807 гг. в Берлине и посвященный литературной полемике с И.В. Гёте и немецкими романтиками, или журнал “Пчела”, печатавшийся в Кёнигсберге и направленный против Наполеона.

Когда Пруссия оказалась в руках французов, Коцебу бежал в Лифляндию. В 1813 г., находясь на русской службе при армии генерала П.Х. Витгенштейна, Коцебу издавал “Русско-немецкий народный листок”, целью которого было распространение на германских территориях достоверной информации о ходе военных действий. 28 марта 1813 г. “в награду оказанного усердия к пользам Отечества, в поощрение на будущее время и в воздаяние за службу детей” он получил чин статского советника. С 1813 по 1816 г. он был назначен генеральным консулом России в Кёнигсберге. С 1817 г. Коцебу являлся литературным корреспондентом российского министерства по делам культуры и религии. Однако современники знали его не как чиновника высокого ранга, а как автора более чем 200 пьес, благодаря которым он был самым востребованным драматургом, царствовавшим на европейской театральной сцене эпохи Гёте. В литературных кругах художественные достоинства его пьес оценивались или очень высоко, или предельно низко. Философ и литератор Ф. Шлегель называл Коцебу “позором немецкой сцены”. Великий Гёте считал творчество Коцебу “гнусным вздором”, признавая за Коцебу наличие “превосходного, но неглубокого таланта”, а поэт и драматург З. Вернер упрекал его в “бесстыдстве, равным которому может быть только французская безнравственность”². За негативными отзывами многие современники видели, прежде всего, проявление застенчивой зависти. Гёте, несмотря на свое демонстративное пренебрежение, поставил на сцене Веймарского театра 87 пьес Коцебу.

Противоречивой была и личная репутация Коцебу. Многие видели в нем бесстрашного полемиста, бескомпромиссного борца с французской оккупацией. Одна из гамбургских газет в 1818 г. писала: “1806 год изгнал Коцебу из Пруссии. Он бежал в Россию, где он с тех пор не прекращал бороться с французами и их императором всеми средствами, доступными для остроумного писателя. Немецкая публика тем жаднее расхватывала его листки, чем меньше могла услышать в Германии под гнетом французской полиции свободное или смелое слово”³.

Однако один из авторов многочисленных сочинений, посвященных Коцебу, появившихся в 1819 г. после его убийства, дал ему иную характеристику: “Если где-нибудь назовут Коцебу немецким Вольтером, то это имя он заслужил, прежде всего, из-за своего тщеславия, жажды славы, любви к деньгам, в жертву которым он в своих пьесах и других сочинениях приносил религию, нравственность, честь и доброе имя других людей, а не благодаря легкости и умению, с которыми он обращался с самыми разнообразными материалами во всяческих формах, не благодаря своим искрометным, часто очень злобным шуткам, своей творческой изобретательности и проницательности, короче не благодаря разнообразию его талантов при некоторой банальности и поверхностности суждений”⁴.

Бессмысленное и жестокое убийство столь яркого и известного человека ужаснуло Германию. Напуганные обыватели, лояльные верховной власти, всюду видели заговоры, ведущие страну к краху. Очаги безнравственности и волнений они заметили в университетах. Каждого студента в старонемецком платье они принимали за убийцу, под

² Schulz G. Die deutsche Literatur zwischen Französischer Revolution und Restauration. T. 2: 1806–1830. München, 1989, S. 120.

³ Die Staats- und gelehrte Zeitung des Hamburger unparteiischen Korrespondenten, 1818, № 15, S. 320.

⁴ Hundt-Radowsky H. Kotzebues Ermordung, in Hinsicht ihrer Ursachen und ihrer wahrscheinlichen literarischen Folgen für Deutschland. Berlin, 1819, S. 1.

черным сюртуком которого им мерещился “блеск смертоносной стали мятежа”. Страх перед заговорщиками дал правительствам ряда германских государств повод выступить против свободы печати и самоуправления университетов. Народ на рыночных площадях с удовольствием слушал романтические баллады о подвиге благородного юноши Занда, которые распевали бродячие музыканты. Было немало и тех, кто осуждал убийство Коцебу, но, тем не менее, пытался объяснить его благородными мотивами, которые якобы двигали Зандом. Профессора на университетских кафедрах спорили по поводу нравственного оправдания убийств тиранов и приводили героические примеры из античной истории. Массовые издания сообщали все новые подробности преступления и давали свои интерпретации.

Общественная дискуссия вокруг убийства Коцебу пролила яркий свет на состояние умов складывающейся немецкой нации. В этом вопросе существенную роль играло отношение к России, подданной которой был убитый немецкий писатель. Коцебу, немцу, рожденному в Веймаре, удалось послужить трем русским монархам: Екатерине II, Павлу I и Александру I, о которых он всегда отзывался в своих сочинениях с большим почтением. Немец Коцебу всю жизнь служил России – иностранной державе, с которой у германских государств складывались разные, не всегда дружественные, отношения. Это обстоятельство позволяло многим немцам, даже тем, кто осуждал насилие, полагать, что Коцебу заслужил свою участь, предав немецкое отечество. Иллюстрирует эту позицию дневниковая запись эрцгерцога И.Б. фон Габсбурга: “Убийство Коцебу наделало много шума. Жаль этого талантливого человека – он безвременно погиб, так как он, будучи вначале врагом Наполеона, после падения тирана в качестве эмиссара России в Германии предоставил свое перо для продвижения идей этой державы. Он – немецкий Вольтер, который без всякого воодушевления подвергал все осмеянию, что абсолютно противоречит немецкому сознанию. За это его ничуть не жаль”⁵.

Что подвигло Занда на это преступление? Почему его жертвой стал именно Коцебу? Какова “российская составляющая” среди причин, приведших к убийству?

Занд в юридическом смысле был преступником-одиночкой. Однако были правы публицисты и политики, которые видели идейные истоки этого бессмысленного убийства в движении студенческих корпораций. Обширный материал для анализа нам дают дневники и письма Занда, письма и публикации Коцебу в его “Литературном еженедельнике”, материалы уголовного расследования, опубликованные в течение года после преступления, воспоминания очевидцев и современников, а также жизнеописания Занда и Коцебу, вышедшие в 1819–1820 гг.⁶

Прежде российские исследователи почти не обращались к этому пласту источников, дающих возможность пролить свет на развитие антирусских настроений в Германии после окончания освободительных войн, сформировавших позитивный образ русских как “братьев по оружию”. Россия принесла немцам освобождение от французского ига. Александр I стал самым популярным иностранным монархом в Германии и был признан “либератором (освободителем. – О.З.) добрых немцев”.

Убийство Коцебу произошло в период идейного брожения в немецком обществе. На смену духовному подъему, пережитому в период освободительных антинаполео-

⁵ *Doblinger M. Tagebucheintragen des Erzherzogs Johann des späteren Reichsverwesers über Karl Ludwig Sand und die Karlsbader Beschlüsse. – Quellen und Darstellungen zur Geschichte der Burschenschaft und der deutschen Einheitsbewegung, Bd. 8. Heidelberg, 1925, S. 151–153.*

⁶ *Literarisches Wochenblatt von August von Kotzebue, Erster Band. Weimar, 1818; Zweiter Band. Weimar, 1819; Authentischer Bericht über die Ermordung des kaiserlich-russischen Staatsraths Herrn August von Kotzebue, nebst vielen interessanten Notizen über ihn und über Carl Sand, den Meuchelmörder. Mannheim, 1819; Krug K. W. Über Universitätswesen mit Rücksicht auf Kotzebues literarisches Wochenblatt und gewaltsamen Tod. Leipzig, 1819; Vollständige Übersicht der gegen Carl Ludwig Sand wegen Meuchelmordes verübt an dem kaiserlich-russischen Staatsrath von Kotzebue geführten Untersuchung. Stuttgart – Tübingen, 1820; Carl Ludwig Sand. Dargestellt durch seine Tagebücher und Briefe von einigen seiner Freunde. Altenburg, 1821; Akten-Auszüge aus dem Untersuchungs-Prozess über Carl Ludwig Sand. Altenburg – Leipzig, 1821, и др.*

новских войн, после 1815 г. пришло глубокое разочарование, вызванное унижающим национальное достоинство большинства немцев положением Германии в Европе, консервативной политикой Священного союза и обманутыми ожиданиями, которые возлагались на Россию. В ней видели не только сильнейшее в военном и политическом отношении государство, но и самую влиятельную силу европейской реакции. В 1815 г., во время Венского конгресса, Гёте, оценивая политическую ситуацию в Европе, писал: “Вы будете долго голосовать и болтать. Наконец, мы снова увидим казаков. Они освободили нас от тирана. Теперь они, пожалуй, освободят нас и от свободы тоже”⁷. В немецких землях началось усиление политического контроля, который, прежде всего, ощутили на себе студенты и литераторы. Возрастающая власть полиции и бюрократический гнет в самых больших государствах, Пруссии и Австрии, неурожаи 1816 и 1817 гг., за которыми последовал массовый голод, кризисы торговли, вызванные отменой наполеоновской континентальной блокады, спровоцировали возрастающее ожесточение, страх и возмущение не только беднейших крестьян, но и городских жителей. Кто был виноват во всех этих бедствиях? Наполеон был повержен и выслан на остров Святой Елены; французы, как и немцы, должны были страдать от кризисов и реакционной политики государственной власти. Освободившуюся нишу “врагов немецкого отечества” начали заполнять новые призраки. Многие почти открыто стали говорить, что во всех бедах немцев виноваты русский царь и немецкие евреи, которые часто были кредиторами разорявшихся представителей третьего сословия. Военная мощь Российской империи внушала страх; царь среди широких кругов образованного населения считался ярким реакционером, гарантом легитимности правления немецких князей. За вызвавшей разочарование политикой Священного союза мерещилась направляющая рука еврейских финансистов. Евреев не любили и за то, что они получили гражданские права благодаря Наполеону. Их равноправие воспринималось как следствие свергнутого французского господства.

Ожесточение разочарованных, обманутых в своих ожиданиях и надеждах людей объединило либералов и демократов со многими консервативными офицерами и чиновниками, которых все больше раздражало военное превосходство и самонадеянность их русского союзника. В 1817 г. в биографии под названием “Мои различные призвания в гражданской жизни”, опубликованной впервые лишь в 1922 г., Коцебу был вынужден признать: “Ни один беспристрастный наблюдатель не будет отрицать, что Пруссия, как и вся Германия, обязана России своим освобождением; но груз этого великого благоденствия тяжело давит на прусскую национальную гордость. Это, к сожалению, злая дурная привычка большинства человеческих сердец, что они чувствуют некое отвращение в отношении благодетеля, которого они не могут вознаградить. Это отвращение, почти что ненависть, пруссаки выражали в отношении русских при всяком удобном случае. Когда они приуменьшали значение их действий; приписывали себе счастливые успехи, самые высокие побуждения русских, гордились слишком охотно более высоким образованием, говорили пренебрежительно о характере русских, называли их невежественными и одержимыми болезненной страстью к грабежам. Если русский солдат когда-либо позволял себе самое незначительное излишество, то слухам и жалобам на это не было конца, хотя они терпеливо сносили ранее самые тяжелые притеснения французов”⁸.

Наиболее радикально настроенной группой в обществе была учащаяся молодежь, объединенная в студенческие корпорации и гимнастические союзы. Первая немецкая студенческая корпорация, активным членом которой являлся Занд, была создана в 1815 г. в Йене. В основе ее идеологии лежало чувство национального единства, а главной задачей провозглашалось содействие распространению в университетах идеи равенства среди всех немецких студентов, усилению национального воспитания и развитию будущей национальной элиты. Устав студенческих корпораций отвергал обычную

⁷ Goethe J.W. Sämtliche Werke, Bd. 1–18, Bd. 2. Zürich – München, 1977, S. 397.

⁸ Kotzebue A. von. Meine verschiedenen Bestimmungen im bürgerlichen Leben. – Jahrbuch der Sammlung Kippenberg, Bd. 2. Leipzig, 1922, S. 198–199.

земляческую организацию студентов в немецких университетах и требовал объединения всех учащихся в единой организации, чтобы противодействовать партикуляризму. Устав гласил, что “превыше всего студент должен ставить немецкий народ и германское отечество, быть немцем на словах, на деле и в жизни”⁹. Молодежь воспевала “немецкое студенчество” как “самое свободное государство в государстве” и рассматривала “целостность” в качестве условия для “рождения германских христиан”. Университетская молодежь чувствовала себя стоящей над политическим устройством, связанной языком и обычаями со всем немецким народом. Отказываясь как от провинциализма, так и от космополитизма, учащаяся молодежь помимо ненависти к французам была охвачена юдофобией и фанатичной приверженностью к христианскому мистицизму, свойственной эпохе романтизма.

Во время освободительных войн 1813–1815 гг. студенты составляли ядро добровольческих объединений. Образованные молодые люди рвались в бой за Бога, Святость, Свободу, Отечество, Германию и немецкий народ.

Основу мировосприятия поколения молодых немцев, к которому принадлежал Занд, составлял “мировоззренческий коктейль”, состоявший из революционного демократизма, агрессивного национализма и христианской мистики, настоящий на ненависти к Франции и “корсиканскому чудовищу”. “Немецкое отечество там, где гнев сметает французское жеманство. Где всякий француз – это враг, где каждый немец – друг!” – к такой примитивной формуле сводилось отношение к Франции в “Отечественной песне” Э.М. Арндта¹⁰.

Ненависть к врагам Германии и жажда их крови представляла собой общий эмоциональный фон тех лет. Романтик К. фон Brentano писал: “Пусть штыки без устали поражают цель, сбросьте оставшихся в реку, чтобы ни один враг Германии не смог спастись!”¹¹.

Господствующая форма в поэтической пропаганде тех лет – императив, призыв без целевого указания: “Вперед!”, “Пробудись!”, “Бей в барабан!”, “Из благополучия в нужду и смерть!”. Поэт Т. Кернер призывал: “Пробудись, мой народ, уже дымятся сигнальные маяки!”.

После вступления союзных войск в Париж в 1814 г. и повторной победы над Наполеоном в 1815 г. за невероятным душевным подъемом освободительных войн последовало успокоение; на смену экспрессивной поэзии пришла рутинная проза мирной жизни. Молодые люди должны были снова взяться за ум и вернуться в университетские аудитории, привнеся туда ненависть к врагам отечества и жажду деятельности. Они больше не доверяли мудрости местной бюрократии и монархической верховной власти, которая из Вены начала реставрировать старый порядок в Германии и Европе, “отравляя своей болтовней мечтания молодежи о единстве и свободе отечества” и, как казалось, стала на путь предательства¹².

Протестные настроения впервые открыто проявились на Вартбургском празднике 18 октября 1817 г., организованном по случаю 300-летнего юбилея Реформации и 4-й годовщины Лейпцигской битвы. Представители студенческих корпораций всех протестантских немецкоязычных университетов, которые собрались в этот день в Вартбурге под черно-красно-золотым знаменем, произносили пламенные речи не о свободе от гнета корсиканского тирана, а от угнетения со стороны многих местных тиранов, опирающихся на истинное воплощение европейского деспотизма – русского царя. После торжественной церемонии наиболее активная часть студентов устроила аутодафе книг и предметов, рассматривавшихся как антинемецкие и реакционные. Наряду с прочими сочинениями “предателей родины” были сожжены книги авторов, выступав-

⁹ Stulz P. *Fremdherrschaft und Befreiungskampf*. Berlin (Ost), 1960, S. 128.

¹⁰ Baur W. *Ernst Moritz Arndts Leben, Thaten und Meinungen, nebst einigen seiner geistlichen und Vaterlands-Lieder*. Zwickau, 1861, S. 115.

¹¹ Brentano C. *Sämtliche Werke und Briefe*, Bd. 3/1. Stuttgart – Köln – Berlin, 2002, S. 241.

¹² Hodann M., Koch W. *Die Urburschenschaft als Jugendbewegung*. Jena, 1917, S. 15.

ших за эмансипацию евреев, например, “Германомания” еврейского издателя С. Ашера, а также многотомная “История немецкого государства” Коцебу, которая начала издаваться с 1814 г.

Рядом с костром, пылавшем в Вартбурге, стоял Карл Занд. Очевидно, в ту памятную октябрьскую ночь 1817 г. в его сознании возник образ “предателя отечества”, олицетворением которого стал Коцебу. Судьба Занда была типична для того времени. Он родился в 1795 г. в Вунзиделе в баварской Верхней Франконии в семье советника юстиции. Занд остро переживал французскую оккупацию своей родины, которая в 1810 г. была включена в состав Баварии, одного из членов Рейнского союза. Занд примкнул к гимнастическому движению, а в 1814 г. поступил в университет Тюбингена, чтобы изучать теологию. При сообщении о возвращении Наполеона с острова Эльба, Занд присоединился к Добровольческому егерскому корпусу. Из-за непродолжительности военных действий 1815 г. его корпус не участвовал в боях; мечта юноши о “жертвенной смерти во имя родины”, о которой он писал в письмах к родителям, так и не осуществилась. Занд продолжил учебу в университете Эрлангена, которую находил тяжелой и горькой, так как в студенческой жизни преобладали традиционные землячества. Они всячески притесняли не входивших в них студентов, хранивших верность идеалам общенемецкой студенческой корпорации. Занд и его немногие единомышленники воспринимались в Эрлангене как группа изгоев. Юноша страдал от насмешек и преследований до тех пор, пока в сентябре 1817 г. не уехал в Йену.

Университет Йены был земельным университетом Великого герцогства Саксен-Веймарского, правитель которого, Карл Август, друг и покровитель Гёте, старался создать в своих владениях образцовую либеральную страну. Первым из суверенов Германского союза Карл Август 5 мая 1816 г. даровал своим подданным конституцию, которая гарантировала свободу прессы. Властители Европы смотрели на Саксен-Веймар с недоверием. В дипломатической корреспонденции того времени о нем говорили как о “якобинском гнезде”. Университет Йены полностью превратился в очаг свободолобия и мятежного национального духа Германии.

Историк Г. Люден в лекциях по исторической теории, которые посещал Занд, формировал у слушателей убеждение, что Германия стоит на пороге политического поворота, который предопределил или будущий подъем или полный упадок нации. Естествоиспытатель Л. Окен на страницах журнала “Исида или энциклопедический журнал” выступал против тех, кого он считал “врагами немецкого народа и душителями свободы”. Главными объектами его нападок были начальник Берлинской полиции барон фон Кампц и немецкий писатель Коцебу – “русский шпион, агент царской империи в Германии, поэт казачьих песен и башкирских пьес”. От философа-кантианца Я. Фриза студенты могли слышать: “Я ненавижу проявления холопства. Я ненавижу обман в общественной жизни. У нас считают несправедливым обкрадывать соседа, у которого и так нечего взять, но народ, с которого еще можно кое-что получить, безнаказанно грабит и обкрадывает обнаглевший государственный чиновник”¹³.

Фриз, обличая коррупцию в Германии, обвинял в ней евреев, прежде всего еврейских банкиров, в частности Ротшильдов, якобы стоявших за реакционной политикой Священного союза и “режимом Меттерниха”. В своем памфлете “О еврейской опасности” он требовал “полного уничтожения касты евреев”, подчеркивая при этом, что “образованные евреи представляют собой космополитический сброд, который необходимо преследовать и изгонять отовсюду”.

Таким образом, либеральные идеи и политическая критика, национальный идеализм и антисемитизм, неразрывно связанные друг с другом, определили основные направления поиска “врага” внутреннего и внешнего, которые весной 1819 г. вылились в кровавое убийство Коцебу, а летом того же года – в жестокие еврейские погромы в Вюрцбурге, Гамбурге и Франкфурте. Радикально настроенные члены студенческих корпораций требовали выгнать всех евреев за пределы Германии.

¹³ Цит. по: *Steiger G. Urburschenschaft und Wartburgfest. Leipzig, 1991, S. 79.*

Именно в Йене Карл Занд впервые ощутил пьянящее чувство свободы. Здесь он, принадлежавший в Эрлангене к притесняемому меньшинству, превратился в уважаемого бурша. Занд, по воспоминаниям окружающих, был прилежным студентом, глубоко верующим христианином, оставаясь при этом человеком медлительного ума с сумбурными чувствами и неопределенными политическими идеями. Он неуклонно придерживался однажды принятой им точки зрения, впоследствии отстаивая ее как абсолютную истину, непогрешимую как Евангелие. В своих дневниках Занд не раз отмечал, что хотел бы пожертвовать собой, как Спаситель взять на себя вину за преступления своего времени. Он с готовностью отдал бы собственную жизнь для того, чтобы подать сигнал к началу возрождения отечества. Это экзальтированное состояние переросло в глубокую ненависть в отношении всех тех, кого он считал внутренними врагами Германии. Любой противник воспринимался им как предатель идеи нравственного и подлинного возрождения и поэтому заслуживал смерти.

Как же студенту теологии Карлу Занду пришла в голову идея именно Коцебу рассматривать в качестве той символической жертвы, с помощью убийства которой он пытался вывести своих соотечественников из состояния политической летаргии?

На основе актов делопроизводства по судебному процессу можно установить с большой долей достоверности, что Занд кроме “Литературного еженедельника”, который Коцебу издавал с 1818 г. в Веймаре, не прочел ни одного сочинения этого автора. Постоянно повторявшееся Зандом обвинение, что Коцебу всегда презрительно насмехался над славной отечественной историей, не получило подтверждения во время процесса, ни в дневниках, ни на страницах журнала, не говоря уже о его многотомной “Истории Немецкого государства”. В ходе процесса Занд прилагал много усилий для доказательства своей правоты, которые в итоге свелись к невнятным рассуждениям о том, что Коцебу был предателем, негодяем и холопом, который стремился закрепить в Германии “состояние сонной дремоты и трусости”¹⁴.

О внутреннем состоянии России и ее отношениях с остальными европейскими государствами Занд не знал почти ничего. Он даже не интересовался этим. Ненавистный образ “предателя немецкого отечества” был для него лишь расплывчатым фантомом, в котором можно было сублимировать все, что казалось достойным осуждения. Такой враждебный образ не требует никаких глубоких знаний и критических рефлексий. Симптоматичным для этого способа мышления является высказывание Занда во время судебных допросов: “Этот писатель был известен тем, что во времена французов он так же сильно ругал их, как те, кто сегодня всеми Вами так низко оклеветан... В то время как из его сочинений, образа мыслей и необдуманных действий часто следовало, что его мировоззрение и жизнь не имеют ничего общего с этим сортом людей. Когда Россия затронула Германию своими преследованиями, то он словно бросился к русским в объятия. Мы не видели с их стороны почти ничего похожего на то, что воспевали его казацкие песни и башкирские пьесы, целью которых было представить всю западную просвещенную европейскую жизнь ничтожной и незначительной перед лицом героической нации, которая пришла освободить всех. Его постоянной целью являлось стремление доказать, что эти народы с Востока не являются варварами, что они сильно отличаются от всех других народов любезностью и доброжелательностью. Он считал своим единственным долгом обходиться с ними как со своими соотечественниками, хвалить их и превозносить... Коцебу всегда пытался доказать, что немецкое отношение к России должно быть таковым, что без одобрения оттуда немцу нельзя ни думать, ни действовать. Об этом свидетельствовали все его последние сочинения. Вместе с тем теперь полностью доказано, что он имел намерения подчинить русским немецкую свободу”¹⁵.

¹⁴ Jarcke C.E. Carl Ludwig Sand und sein an dem kaiserlich-russischen Staatsrath von Kotzebue verübter Mord. Eine psychologisch-criminalistische Erörterung aus der Geschichte unserer Zeit. Neue aus ungedruckten Quellen vermehrte Bearbeitung. Berlin, 1831, S. 158.

¹⁵ Jarcke C.E. Op.cit., S. 159–161.

Действительно, карьера Коцебу была тесно связана с Россией. Его отзывы о правителях России и внутренней ситуации в стране всегда выражали одобрение, похвалу и глубокое почтение. Верно также и то, что действие некоторых из его пьес разворачивается в России¹⁶. Но, тем не менее, упреки Занда абсолютно бессмысленны. Лишь несколько из ста с лишним пьес Коцебу обращаются к русским сюжетам. Также остается неясным, что подразумевает Занд под “казацкими песнями и башкирскими пьесами”. Единственное объяснение этому – абсолютная неосведомленность Занда об очень популярных в тот период и часто идущих на сцене пьесах Коцебу. Почему же Коцебу, тем не менее, стал для Занда воплощением презрения к отечеству и фривольной аморальности?

Личность Коцебу вызывала раздражение и даже ненависть многих современников¹⁷. Он был человеком честолюбивым, резким, остроумным и конфликтным; на протяжении своей жизни он был замешан в ряде общественно-политических скандалов¹⁸. Коцебу придерживался монархических консервативных взглядов, которых никогда не скрывал. Как вспоминал впоследствии его сын Вильгельм, “он всегда открыто и без страха высказывал на страницах журналов свои политические взгляды, которые, однако, противоречили идеям, бравшим свое начало в движении за освобождение от французского ига. Слово “конституция” воодушевляло молодежь и всех тех, кто рассматривал внедрение этой формы правления как естественное последствие освободительных войн. Коцебу же принадлежал к той партии, к которой присоединялись все те, кто видел в либералах детей французской революции и являлся врагом любой опрометчивости”¹⁹.

Главным “прегрешением” Коцебу была его многолетняя служба русскому правительству. В середине 1816 г. он оставил свой пост в русском торговом консульстве в Кёнигсберге ради нового поручения, поступившего от министра иностранных дел России графа К.В. Нессельроде. Он предложил Коцебу занять должность литературного корреспондента при министерстве по делам образования и культуры. В письме матери от 29 ноября 1816 г. Коцебу так описывал свои новые служебные обязанности: “Император распорядился, чтобы я ежемесячно готовил для него сообщения обо всех новых идеях в политике, статистике, финансах, военном искусстве, общественной системе образования, получивших распространение в Германии и Франции. Далее на основе моих ежемесячных рапортов будут делаться извлечения для различных министерств, согласно их профилю деятельности... Как много положительного и полезного будет теперь известно самому императору и его министрам, что без моих сообщений осталось бы вне зоны их внимания. Следовательно, уже этой причины достаточно, чтобы с благодарностью принять предложение”²⁰.

Нессельроде подчеркивал, что деятельность Коцебу по составлению “бюллетеней” для русского правительства должна носить научный, а не политический характер. В этой связи министр отказывал ему в формальной аккредитации при русской миссии в герцогстве Саксен-Веймар. “Я предпочту, – писал Нессельроде в депеше от 22 ноября 1816 г., – чтобы Вас повсюду воспринимали как путешественника, которому Император положил жалованье в знак уважения к его литературным трудам, прославившим имя России, которому он позволил время от времени сообщать о плодах своих наблюдений и которого он с удовлетворением видит целиком посвятившим себя наукам”²¹.

¹⁶ Keller M. “Agent des Zaren” August von Kotzebue. – *Russen und Rußland aus deutscher Sicht*: 19. Jahrhundert (1800–1871). München, 1992, S. 119–150.

¹⁷ Stock Fr. Kotzebue im literarischen Leben der Goethezeit. Düsseldorf, 1971; Giesemann G. Kotzebue in Rußland. Materialien zu einer Wirkungsgeschichte. Frankfurt a.M., 1971; Мельникова С.И. Коцебу в России. СПб., 2005.

¹⁸ Дмитриева Е.Е. Питерборуг, пригрезившийся градом на Неве, или Петербург в судьбе Августа Коцебу. – *Образ Петербурга в мировой культуре*. СПб., 2003, с. 324–345; Keller M. Op. cit., S. 119–150.

¹⁹ August von Kotzebue. Urtheile der Zeitgenossen und der Gegenwart. Zusammengestellt von W. von Kotzebue. Dresden, 1881, S. 111.

²⁰ Nachruf auf Kotzebue. Literarisches Wochenblatt, 1819, Bd. IV, № 1, S. 5–6.

²¹ Дмитриева Е.Е. Указ. соч., с.346–347.

10 марта 1817 г. был подписан указ о денежном содержании Коцебу, согласно которому ему, помимо соответствующего его рангу ежемесячного денежного содержания в сумме 1875 рублей, выделялись 1000 рублей на путевые расходы и до 700 рублей на покупку книг и на почтовые расходы²².

Как место для постоянного жительства в Германии Коцебу выбрал Веймар. Известный писатель поселился там как действующий русский чиновник высокого ранга. В Веймаре с 1818 г. “с целью поддержания уважения к религии, борьбы с фанатизмом, чтобы хвалить все хорошее и препятствовать распространению всего дурного, и, наконец, кратко информировать публику обо всем интересном, что появилось в области литературы” Коцебу начал издавать “Литературный еженедельник”²³. Это издание сразу же вызвало резкие нападки со стороны студенческих корпораций, которые обвиняли Коцебу в том, что он является “русским шпионом” и “предает Германию, только что избавленную от французского ига, во много раз более худшей русской тирании”²⁴.

Читая “Еженедельник” за 1818 г. можно найти лишь немного сообщений, которые напрямую касались бы России; их автор прежде всего озабочен тем, чтобы опровергнуть нарастающее в общественном мнении убеждение, что русский император вынашивает “ужасные планы установления русской тирании в Германии”. Коцебу пытался просвещать немецкого читателя, отсылая его к академическим изданиям, таким как “Материалы по изучению России и ее истории”, опубликованным Г. Эверсом и М. фон Энгельгардтом и восьмитомной “Русской истории” Н.М. Карамзина²⁵.

Коцебу выступил с критикой статей писательницы Ф. Тарнов, утверждавшей, что “до сих пор русская история была только коллекцией анекдотов, так как народ рабов не может иметь историю”²⁶. Он иронизировал по поводу страхов перед русскими планами экспансии: “Снова поется та же старая песня о растущей силе России, и говорится с восторженным почтением перед личными и религиозными достоинствами императора Александра, но, тем не менее, с угрозой: Европа еще узнает страшную мощь этой силы, если история когда-нибудь призовет другого Петра Великого на трон русского императора. История! Когда история хоть раз призывала правителя на престол? Пустые страхи, существовавшие задолго до Священного союза!”²⁷.

Однако все эти попытки рассеять подозрения, направленные против политики Александра I и Священного союза, рассматривались в либеральных, в частности, в студенческих, кругах Германии, как доказательства предательского образа мыслей Коцебу. Те, кто испытывал разочарование политикой Реставрации, начавшейся с 1815 г., читая отзывы Коцебу по этому поводу, находили его аргументы неприемлемыми. Вот типичное мнение одного из его современников; оно почти дословно совпадает с объяснениями, которые давал на следствии Занд: “Коцебу, который писал в Германии, на немецком языке и для немцев, так глубоко задел национальные чувства этого народа, его чувство собственного достоинства, его благородную гордость тем, что он во всех отношениях противопоставлял немецкой нации Россию, как пример и образец для подражания, что он, забыв и презрев все правила благоразумия, насмеялся над ее важнейшими основами государственного устройства, абсолютно не замечал присущий ей оригинальный характер, и только всегда восклицал: Так это устроено в России! Так думают в России!”²⁸.

Прежде всего, обвинения в “измене отечеству”, со стороны немецкого студенчества, были вызваны не абстрактными рассуждениями Коцебу о преимуществах устройства

²² Sergej von Goriainow, Direktor des Kaiserl. Russ. Staatsarchivs in St. Petersburg. – Deutsche Revue, Jg. 35, Bd. II. Stuttgart – Leipzig, 1910, S. 371–372.

²³ Literarisches Wochenblatt, 1818, Bd. I, № 1, S.1.

²⁴ Noch acht Beiträge zur Geschichte August von Kotzebues und C.L. Sands. Aus öffentlichen Nachrichten zusammengestellt. Mühlhausen, 1821, S.140.

²⁵ Literarisches Wochenblatt, 1818, Bd. I, № 17, S. 131.

²⁶ Ibid., 1818, № 20, S. 160.

²⁷ Ibid., 1818, № 41, S. 324.

²⁸ Schott Fr. Kotzebue, Deutschland und Rußland. Leipzig – Merseburg, 1820, S. 103.

соседней державы, а его резкими нападками на гимнастическое движение и студенческие корпорации. Уже первый номер “Литературного еженедельника” за 1818 г. содержал статью о гимнастике, в которой Коцебу не только насмехался над гимнастическим союзом Яна, но, прежде всего, выступал против того, чтобы превращать гимнастику в подобие религии и “ставить благо Германии в зависимость от гимнастических упражнений”. Статья заканчивалась словами: “Ради Бога! Пусть занятия гимнастикой льстят вашему самолюбию идеей, что таким образом вы совершаете что-то великое. Так позволим же некоторым глупцам плестись их дорогой. И почему нельзя спокойно наблюдать, если кому-то угодно во что бы то ни стало повеситься?”²⁹.

Через несколько дней после появления статьи о гимнастическом движении под дверь автора была найдена записка, в которую были завернуты несколько старых гусиных перьев для письма: “Эти перья были использованы Коцебу при подготовке статьи против немецких гимнастических союзов, опубликованной в его жалком литературном еженедельнике. Этой статьей он подтверждает правоту нацеленных на него карикатур: если Бог руководит человеком, то тот может больше не думать, так как это ему уже не поможет. Продолжай, Коцебу, возможно ты сам скоро будешь сожжен, а не только твоя писанина. По слухам, Коцебу должны перебить окна”³⁰. Началась травля дерзкого литератора.

Особенно беспокоили писателя радикальные настроения, царившие в студенческих корпорациях. В своих злых и едких памфлетах на страницах “Еженедельника” он безжалостно выставлял на посмеище их самые серьезные и благородные намерения. В одной из статей, опубликованной в №13 “Еженедельника” и вызвавшей наибольшую волну ярости в среде студенческой молодежи, он подверг уничтожающей критике университетские свободы: “Мы не убеждены, что так называемую академическую свободу можно назвать благородной и либеральной. В чем она состоит? Ни в чем ином, как в полной свободе для каждого студента жить распутно или нет, посещать коллегии или нет, учиться или нет, тратить деньги осторожно или спустить все и сразу, оплачивать свои долги или обманывать кредиторов, одеваться прилично или по-дурацки, делать все по личному усмотрению... Теперь, поистине, каждый отец должен дрожать, если молодой человек обладает живым нравом и умом, так как землячества и студенческие корпорации, гимнастические союзы и аудитории, где неразумные профессора говорят ему, что он призван реформировать свое отечество – с нетерпением ожидают его повсюду”³¹.

Такие нападки вызывали ожесточение приверженцев гимнастических и студенческих союзов. Хотя Коцебу и не имел политического влияния, в глазах студентов и близких к ним профессоров он постепенно стал символом антинационального и антилиберального обскурантизма. Его тесные отношения с Россией играли при этом существенную роль. Коцебу никогда не скрывал, что уполномочен царем за хорошее вознаграждение регулярно информировать русское правительство о беллетристических и научных новинках на немецком книжном рынке. О шпионской деятельности, которую ему охотно приписывали, при этом не могло быть и речи. Коцебу считал это поручение большой честью для себя. Он охотно сравнивал свои сообщения с корреспонденциями, которые посылал из Парижа русской царице в XVIII в. М. Grimm. Тем не менее, его деятельность в качестве корреспондента при русском дворе воспринималась с большим недоверием. Подозревали сильное влияние Коцебу на русскую политику и видели в нем доносчика и сплетника на службе иностранного правительства.

На этом фоне произошла так называемая афера с бюллетенем, долго занимавшая все литературные издания Германии, истоки которой восходили к осени 1817 г. Речь шла о следующем: Коцебу один из своих бюллетеней, предназначенных для русского правительства и написанных на французском языке, передал переписчику. Последний

²⁹ Literarisches Wochenblatt, 1818, Bd. I, №1, S. 3.

³⁰ Ibid., №4, S. 28.

³¹ Ibid., №18, S. 98.

показал документ своему соседу В. Линдеру, редактору одного из либеральных журналов, издателем которого был историк Г. Люден. Тот сразу оценил политическое значение документа и напечатал в своем журнале несколько тенденциозно выбранных отрывков из реферативного обзора Коцебу. Коцебу заблаговременно узнал об этом, и ему удалось заранее изъять соответствующие печатные листы. Однако материалы попали в другие журналы. С большим трудом в опубликованных пассажах можно было бы обнаружить клевету на общественные нравы и настроения, царившие в университетской среде. Тем не менее, общественная реакция была очень сильна. Коцебу, казалось, был разоблачен как русский шпион. Он стал получать анонимные письма с угрозами, йенские студенты неоднократно били окна в его доме. Над головой известного писателя собиралась буря, которая уже вскоре должна будет разразиться в виде покушения Занда. Не проверяя справедливость обвинений, выдвинутых против Коцебу, Занд окончательно избрал драматурга объектом для приложения своей жажды деятельности на благо Родины, рассматривая себя в роли героя, которому сам Господь дал в руки карающий меч, чтобы уничтожить эту “гадюку”, “ядовитую змею прогневшей заграницы”, как он называл Коцебу в своих дневниках.

5 мая 1818 г., Занд записал в дневнике: “Господи, между тем сегодня меня снова охватила щемящая тревога. Но воля тверже, намерение действовать решает все и помогает всему. Родина – единственный источник радости и добродетели. Когда я размышляю, то часто прихожу к мысли, что следует взять на себя мужество, чтобы ударом кинжала выпустить кишки Коцебу или другому такому же изменнику Родины”³².

Последней каплей, предreshившей судьбу литератора стала позиция Коцебу в отношении меморандума А. Стурдзы “О современном состоянии Германии”, опубликованном во время Ахенского конгресса осенью 1818 г.

Конгресс в Ахене, с которым поначалу связывали надежды на урегулирование германского вопроса, подходил к концу, не став, как ожидалось, политической сенсацией. Александр I заявлял, что он не считает себя вправе вмешиваться во внутренние дела Германии, передав всю инициативу венскому и берлинскому дворам. Окончательно разочаровавшись в своих надеждах на царя, немецкая общественность обратилась к другим мировым событиям, как вдруг в Париже появилось небольшое сочинение под названием “Меморандум о современном состоянии Германии”. Титульный лист не содержал имени автора, однако, скоро распространилось мнение, что автором сочинения является выходец из одного из молдавских княжеств, находящийся на русской службе, государственный советник Министерства иностранных дел России А. Стурдза. Меморандум не был предназначен для публикации. Напечатанный в количестве 50 экземпляров текст был передан по приказу царя для доверительного ознакомления участникам Ахенского конгресса. Один экземпляр таинственным образом попал в руки журналистов и был предан огласке. Если Варшавская тронная речь Александра I в марте 1818 г. представлялась многообещающей увертюрой к Ахенскому конгрессу, то брошюра Стурдзы положила конец надеждам на реформы, нанеся сильнейший удар по престижу России. Возникало впечатление, что Россия хочет лишить Германию последних плодов победы над Францией, достигнутой ценой больших потерь и жертв. Более того, вдруг выяснилось, что русский император, с которым многие немцы связывали надежды на лучшее будущее, на Ахенском конгрессе не только не поддержал их стремление к объединению, но даже санкционировал нападки на духовную жизнь и порядки стране³³.

Меморандум, преданный огласке, вызвал бурю негодования в немецкой прессе и вспышки гнева университетских профессоров. Студенты клялись “наколоть гиперборейского наглеца на свои рапиры”. Доходило до актов насилия, сильно шокировавших мирных бюргеров. Например, в идиллическом Веймаре бесчинствующими студентами были снесены и сожжены триумфальные ворота, сооруженные в честь русской матери-императрицы Марии Федоровны. Без сомнения, Стурдза задел болевые точки немецкой

³² Carl Ludwig Sand, dargestellt durch seine Tagebücher, S. 151.

³³ Goerres J. L'Allemagne et la revolution. Paris, 1819, p. 127.

политики. Однако, не столько содержание памфлета, сколько обстоятельства его возникновения и публикации вызвали ярость и неудовольствие.

Эпизод, связанный с меморандумом Стурдзы, обозначил поворот в истории восприятия России в Германии, дав толчок к выражению накопившихся обид в адрес северного соседа. Как вспоминал известный своими ультра-консервативными взглядами немецкий публицист и издатель А. Мюллер: “Я еще ни разу не видел, чтобы все партии были столь единодушны. Следовало бы назначить награду тому, кто найдет хоть одного немца, который каким-либо образом не был бы оскорблен меморандумом. Мне думается, чтобы быстро и полностью покончить с русским влиянием на немецкие умы, достаточно только содействовать распространению этого документа, а его автора для присмотра за нашим одичавшим народом следующей зимой назначить на соответствующую должность в Веймаре”³⁴.

Упоминая Веймар, Мюллер намекал на связь между автором памфлета и Коцебу, который, как многие считали, “был назначен царем на должность в Веймаре для надзора над немецкой духовной жизнью и, чтобы держать в русской узде жаждущую свободы германскую молодежь”.

Таким образом, разочарование немцев было во многом связано с личностью Александра I, на службе у которого состояли и Стурдза, и Коцебу. Из носителя либеральных надежд начала XIX в., в глазах части немецкого общества русский царь стал главным врагом европейского освободительного движения. Из бескорыстного и благородного освободителя от французского ига царь окончательно превратился в мрачного реакционера.

На смену рассуждениям о позитивной роли России в немецкой истории и связанных с ней надеждах на будущее пришли острые публицистические дискуссии. В них впервые получила распространение специфическая смесь либерализма, национализма и русофобии, которая станет преобладающей в последующие десятилетия. В то же время в Германии развиваются симпатии консервативных сил к русскому самодержавию, выразителем которых был Коцебу с его “Литературным еженедельником”.

5 декабря 1818 г. Коцебу написал прошение об отставке и переехал из Веймара в Мангейм. В феврале 1819 г. Александр I разрешил ему вернуться в Россию, но было уже поздно: убийца преследовал его по пятам. В начале ноября 1818 г. Занд принял окончательное решение убить Коцебу³⁵. Из материалов уголовного дела следует, что к этому времени Занд полностью убедил себя в том, что именно Коцебу, а не Стурдза, являлся автором меморандума “О современном состоянии Германии”. Как было сказано в протоколах суда, “поводом для преступления стало последнее сочинение Коцебу, которое, по мнению Занда, имело целью привести Германию в состояние, в котором находилась страна после Вестфальского мира, а именно состояние зависимости и без самостоятельности, раздробленности и без политической силы. При удобном случае Коцебу снова написал бы подобное сочинение, и как тут осмелиться сказать что-либо об этой публикации, если она отражает образ мыслей русского императора и написана по его поручению”³⁶.

Зимний семестр 1819 г. Занд усердно посещал лекции в университете, а также философский кружок Я.Ф. Фриза. Одновременно он тщательно готовился к убийству Коцебу. Годом раньше, во время посещения берлинского гимнастического союза, Занд научился пользоваться кинжалом. Он прослушал несколько лекций по анатомии, чтобы точно знать местоположение сердца в человеческом теле, и на тренировках отработывал удар кинжалом с левой руки. Однако прежде всего Занд был обеспокоен тем, чтобы найти правильные слова для объяснения своих действий. На месте преступления при нем было найдено предназначенное для публикации послание под названием

³⁴ Цит. по: *Benz E. Franz von Baader und Kotzebue. Das Rußlandbild der Restaurationszeit. – Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden, 1957, S. 33–34.*

³⁵ Carl Ludwig Sand, dargestellt durch seine Tagebücher, S. 170.

³⁶ *Jarcke C.E. Op. cit., S. 161–162.*

“Смертельный удар Августу фон Коцебу”. Текст был запутан и невразумителен, как и все, что выходило из-под пера Занда. Смысл этого послания сводился к тому, что совершенное убийство следует рассматривать как жертвоприношение во имя освобождения Родины, и одновременно как акт мщения, произведенного в традициях средневековой Фемы, тайного судилища от имени народа. “Я должен подать сигнал, писал Занд, я должен заявить, что против трусости и продажности, царящих в умонастроениях наших дней. Что можно сделать более благородное, чем уничтожение закоренелого холопа и защитника нашего продажного времени, предателя и губителя моего народа – Августа фон Коцебу... Он подлинное орудие всего самого негативного и опасного, что дал наш век. Его голос абсолютно подходит для того, чтобы лишить нас, немцев, всякого сопротивления незаконным притязаниям врагов и погрузить в прежнюю тупую дремоту.... На него я хочу броситься с внушенным мне Богом мужеством!”³⁷.

9 марта 1819 г. около 4 часов утра Занд собрал свои пожитки и отправился в последнее путешествие в Мангейм.

Сообщение о покушении Занда произвело чрезвычайное впечатление. В Германии это было первое громкое политическое убийство с 1308 г., когда Иоанн Паррикида, сын герцога Рудольфа II Австрийского, убил своего дядю короля Альбрехта I. “Волнение и замешательство, вызванное этим страшным событием, было всеобщим, – писал прусский поверенный в делах при Баденском дворе К.А. Варнхаген фон Энзе. – Как обычно в первое мгновение люди не знали, что они должны думать об этом и говорить. Особенно их приводило в замешательство то, что убийца безо всякого раскаяния и даже с видимостью высокого благочестия похвалялся своим поступком, а также тем, что он нашел в себе силы после исполнения покушения заколоть себя, ударив кинжалом в собственную грудь. Кроме того, пришло сообщение, что в Мангейме почти все население сочувствует ему, хвалит совершенное убийство как подвиг благородного немецкого юноши, демонстрируя в его адрес самое большое участие, самую горячую поддержку. Он почитается как мученик, ему посылают цветы и закуски к столу, народ собирается перед госпиталем, выкрикивая в его адрес здравицы и выражая всяческое одобрение. Усердные католики открыто молились за спасение его души... В Карлсруэ эти настроения были заметны в меньшей степени и только среди низших народных классов. В высших кругах господствовала глубокая озадаченность и тревожное напряжение. Высшие чиновники, придворные, дипломаты, лишившись своей светской безмятежности, выглядели страшно испуганными. Казалось, что святая Фема возродилась вновь. Любый студент мог быть исполнителем ее приговоров. Конечно, они больше не чувствовали, что их жизнь находится в безопасности. Одни горевали и вздыхали, другие обличали и бушевали, требовали защиты и организации обороны против такой опасности”³⁸.

Растерянность и панический ужас охватили часть немецкого общества. Консервативные мыслители, такие, как Ф. фон Баадер, восприняли убийство Коцебу как знак Божьего гнева, приближения Апокалипсиса, начала новых революций и войн, которые приведут Германию и всю Европу к окончательной гибели³⁹.

Другая часть населения переживала невиданный душевный подъем, испытывая почти религиозное преклонение перед убийцей, превознося Занда как народного героя и демонстрируя всеобщее презрение к жертве.

В Берлинском придворном театре состоялись торжественные мероприятия в память об известном драматурге, однако в Кёнигсберге попытка проведения общественной панихиды по Коцебу была сорвана. Семья Коцебу была вынуждена отказаться от открытой поминальной службы, так как опасалась реакции разъяренной толпы студентов. Издатель, историк и публицист Й. Гёррес, давно оставивший увлечение молодежными

³⁷ Courtin C. Carl Ludwig Sands letzte Lebensstage und Hinrichtung. Geschichtlich dargestellt. Frankenthal, 1821, S. 108.

³⁸ Varnhagen Ense K.A. von. Denkwürdigkeiten des eignen Lebens, Bd. 3. Frankfurt a.M., 1987, S. 422–423.

³⁹ Benz E. Op. cit., S. 84–85.

движениями и потому вполне способный на вдумчивые и взвешенные суждения, как и многие его современники, пытался дать свое объяснение общественной реакции на убийство Коцебу. В эссе “Коцебу и что его убило” он писал, что убитый литератор был “человеком старой эпохи”, скомпрометировавший себя тем, что получал вознаграждение от русского царя за свое “гнусное занятие”. Занд, напротив, воплотил в себе “новое время, которое предвещало нам рождение свободного, сильного, независимого, хорошо организованного и исполненного уверенностью немца, а затем по очереди разочаровало нас во всех надеждах самым жестоким образом. И теперь с мучительной яростью в сердце, мы смотрим на простирающееся перед нами болото нашей общественной жизни, которое в своей зияющей глотке, своей бездонной пропасти поглотило все наши требования, ожидания, желания и мечты. Здесь впервые кроваво встретились оба времени, старое и новое, и насильственно подавляемое, разьедающее нас негодование разрядилось в первое насилие”⁴⁰.

Коцебу, действительно, был “человеком старой эпохи”, монархистом и космополитом, который активно отстаивал консервативные ценности как истинные и вечные, а увлечение либеральными идеями считал “опасными заблуждениями молодости”. На страницах своего журнала он открыто признавал, что “было время, когда мы тоже увлекались идеями демократии, конституции, свободы прессы и т.п. и искренне воображали себе, что всеобщее благо не может существовать без подобных вещей. Мы знали, что опыт, который предлагает нам история, почти всегда остается невостребованным. Однако со временем мы изменили многие из своих мнений и жестоко разочаровались в своих ожиданиях. Так сформировалось наше сегодняшнее убеждение в том, что монархия является самой естественной и наилучшей формой правления, что сохранение сословий может быть полезно как для правителя, так и для народа, но что они не должны составлять какой-либо оппозиции против правителя, и, наконец, что безусловная свобода прессы может быть очень полезна, но еще больше может быть вредна. Таковы наши принципы, сложившиеся на основе жизненного опыта”⁴¹.

Помимо приверженности к консервативным ценностям, Коцебу был космополитом, что в глазах молодых фанатично настроенных патриотов само по себе являлось страшным грехом. Он, немец, который писал на немецком языке и для немецкой публики, служил русскому царю, носил русский титул и сообщал русскому двору о состоянии умов в Германии, в частности, в университетах. Коцебу, как “человек старой эпохи”, не видел в этом ничего предосудительного: он служил общеевропейскому духу Просвещения, доброго старого порядка и монархической легитимности, и не важно где – в Германии или в России. Однако ситуация изменилась. За годы оккупации и освободительных войн в общественное сознание Германии прочно вошла новая национальная идея, связанная с либеральными реформами, как она сформировалась во времена Французской революции. Эта идея требовала полной идентификации отдельной личности со всей нацией. Она требовала от личности абсолютной преданности не только нации, но и либеральным ценностям, и тот, кто уклонялся от этого требования, мог быть извергнут из национальной общности. Исторжение отступника из тела нации воспринималось частью общества как демонстрация степени обретенного национального единства. Поэтому в процессе формирования национальной идентификации, который переживали немцы в первой половине XIX в., в общественном сознании вместе с положительным образом “патриота”, “добротного немца”, преданного своему народу и отечеству до самой смерти, возникла и его противоположность, образ “предателя Родины”.

В период национальной консолидации необходим образ врага: внутреннего и внешнего. Во время антинаполеоновских войн немцев объединяла ненависть к Франции, оккупировавшей их отечество. А на роль внутренних врагов традиционно были назначены евреи, космополиты и коллаборационисты. В мирное время наряду со старыми

⁴⁰ Goerres J. Kotzebue und was ihn gemordet. – Politische Schriften, 1817–1822, Abt. 1, Bd. 4. Hamburg, 1856, S. 54–55.

⁴¹ Literarisches Wochenblatt, 1818, Bd. I, № 16, S. 121.

фантомами были созданы новые. Главным требованием для молодых немцев стало объединение Германии и либеральные реформы. Внешним препятствием на этом пути была объявлена Россия, оплот реакции в Европе, игравшая главную роль в Священном союзе.

Коцебу, как “символ политической реакции, всего чуждого немецкой нации, порабощения немецкой свободы иностранными державами, политической коррупции и измены Родине”, в формирующемся национальном самосознании немцев как нельзя лучше подходил на роль “врага”.

23 марта 1819 г. в Мангейме был разыгран помпезный кровавый ритуал, наподобие античных трагедий, – возрождение мифа о едином и свободном народе Германии, жертвой которого пал Коцебу.